

Изъ современной литературы.

Беллетристика „Рус. Бог.“. Достътъ г. Лес-
сера: „Калачевы“. Разказы г. Грюкова. Ре-
ализмъ и современное настроеніе. „Муш-
гжи Лютковой. Спихътореніе гжи Ли-
линой.

Беллетристика Рус. Бог. отличается однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ — прекрасной вѣшней отдѣлкой. Какъ будто какая то опытная и заботливая рука прошла по всѣмъ разсказамъ, сглаживая въ нихъ всѣ шероховатости, придавая имъ тщательную литературную вѣшность. Правда, при такомъ достоинствѣ, беллетристика эта отличается и въ некоторомъ отношеніи: потому ли, что въ самомъ дѣлѣ чья-то одна рука много работала надъ ея вѣшностью, потому ли, что разказы набираются одного характера, а, быть можетъ, и вслѣдствіе обѣихъ этихъ причинъ вмѣстѣ, но только всѣ разказы Рус. Бог. вѣсколько однотовны.

Кромѣ хорошей литературной вѣшности, разказы, помѣщенные въ 9й и 10й книжкахъ журнала, отличаются и другими достоинствами — правдивостью и достаточной живостью изображенія. Разсмотримъ сначала разсказъ г. Лессера (вѣсколко широко названный „повѣстью“) — „Калачевы“. Не потому, чтобъ онъ былъ лучшимъ, но какъ самый большой изъ всѣхъ. Онъ помѣщенъ въ двухъ книжкахъ журнала, притомъ написанъ съ большой обстоятельностью, тогда какъ другіе являются лишь легкими набросками.

„Калачевы“... Заглавіе это ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу, но вы припоминаете, что подобныя заглавія встрѣчались въ нашей литературѣ довольно часто. „Господа Обносковы“... „Супруги Орловы“... Вы припоминаете послѣднее произведеніе, какъ принадлежащее одному изъ популярнѣйшихъ современныхъ писателей. Вамъ вспоминается неугомонный сапожникъ Григорій Орловъ и его дѣльная жена Матрена. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, вы привьмаетесь за чьею „Калачевыхъ“ и въ первыхъ строкахъ повѣсти прочтываете: „Равно утомъ подвѣлась семья сапожника Калачева“...

Валъ и тутъ сапожникъ! Нѣтъ ли тутъ и Матрены? Да, она есть, но только здѣсь она чуть-чуть измѣнилась и называется Дарьей. И положеніе семьи усложнилось, потому что супруги Орловы бездѣтны, а Калачевы имѣютъ взрослую дочь и подростка-сына. Конечно, при такомъ усложненномъ положеніи, пьянство супруга Калачова представляется еще болѣе печальнымъ, чѣмъ пьянство супруга Орлова. Но, отдѣлавшись отъ дѣтей,

супругъ Калачовъ столь же благополучно спивается, какъ и супругъ Орловъ, а Дарья, какъ и Матрена, находятъ себѣ пристанище отъ тревожной жизни... въ больницѣ. Можно подумать, что больница — это какое-то убѣжище для жёнъ, мужья которыхъ спиваются.

Однимъ словомъ, сходство вѣшнихъ подробностей огромное. Если перейти въ характерамъ, то тоже можно отмѣтить его. Супругъ Калачевъ, какъ и Григорій Орловъ, въ сравненіи съ супругой натура безпокойная, ищущая, за супруга у него столь же благоразумная, какъ Матрена. И однако же, повѣсть г. Лессера нельзя назвать подраженіемъ, потому что, при сходствѣ вѣшнихъ подробностей, тема въ ней развивается самостоятельно. Да и характеры главныхъ героевъ, при вѣшнемъ сходствѣ съ героями М. Горькаго, обрисованы значительно иначе.

Повѣсть г. Лессера не столько рисуетъ людей, какъ среду. Онъ желаетъ изобразить бѣлые богатыхъ классовъ на бѣдые, существующихъ рядомъ. Калачевы ропшутъ, стремятся выйти изъ своей среды, недовольны своею жизнью и, въ концѣ концовъ, пьютъ. А водка еще больше ухудшаетъ ихъ жизнь, въ которой вадыхаются и ихъ дѣти. Мальчикъ, для котораго отецъ желаетъ лучшей доли, рвется на улицу, сходится съ разными сорванцами, начинаетъ рано покучивать и, наконецъ, товетъ въ рѣбѣ, свалившись съ лодки, на которой катался съ такими же сорванцами. Дочь, стремясь выйти изъ нищенской, душной жизни семьи, вступаетъ въ связь съ богатымъ молодымъ саврасомъ, который бросаетъ ее, послѣ чего она дѣлается содержанкой.

Въ концѣ концовъ, семья Калачевыхъ, какъ много подобныхъ семей въ бѣдныхъ классахъ, совершенно распадается и исчезаетъ подъ вліяніемъ недовольства своею жизнью, проавиваго въ нее. Глава семьи спивается и нищенствуетъ, и жена, поступившая въ больницу, становится совершенно чужда ему. Все это обрисовано достаточно живо и картинно, какъ и характеры героевъ, особенно же дочери Дуни. Авторъ умѣло прослѣживаетъ и ея любовь къ саврасу, выросшую въ нищетѣ, подъ вліяніемъ жадны жизни, и ея нарастающее отвращеніе къ окружающей ее обстановкѣ.

И тѣмъ болѣе досадно, что авторъ придалъ своей повѣсти вѣшнее сходство съ разсказомъ М. Горькаго. Послѣднее, при отсутствіи подражанія, имѣло бы смыслъ развѣ въ томъ случаѣ, если бы авторъ желалъ преднамѣренно противопоставить свою повѣсть „Супругамъ в Орловымъ“. А такъ какъ этого нѣтъ, то читатель безъ нужды сравниваетъ по-

вѣсть г. Лессера съ „Супругами Орловыми“, гдѣ и характеры очерчены ярче, больше остаются въ памяти, и гдѣ рѣзко проявляется индивидуальность автора, оригинальный взглядъ на жизнь, чего нѣтъ въ повѣсти г. Лессера. И повѣсть послѣдняя, при нѣкоторыхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, проигрываетъ отъ такого сравненія.

Еще лучше съ вѣвшей стороны напишетъ небольшой рассказъ г. Крюкова: „Въ родныхъ мѣстахъ“. Можно даже сказать, что это прямо-таки прелестная картинка дѣйствительности. Герой этого рассказа—донской казакъ, занимающійся кококрадствомъ, грабежами, и сосланный на поселеніе. Онъ бѣжитъ изъ Сибири на „тихий Донъ“, мечтая какъ-либо основаться на роднѣ, но тамъ снова попадаетъ, свидѣть въ станичной „холодной“, гдѣ его посылаютъ казаки, чтобы слушать его рассказы, пѣютъ съ нимъ, и онъ снова бѣжитъ, воспользовавшись слабостью надзора.

Все достоинство этого рассказа (вѣрнѣе, очерка) въ очень яркомъ изображеніи героя. Онъ—созданіе донскій удали, какъ и его сыновья, погнашіе то на каторгу, то на поселеніе. Не корысть, не душевное паденіе, а именно удалъ руководитъ имъ, ввѣщая въ вѣсть со страхомъ, и уваженіе его сосланич-ковъ, которые по наслѣдству привыкли цѣнить удалъ. И авторъ въ своемъ героѣ очень умѣло прослѣживаетъ эти донскія черты, вѣсть съ тѣми чертами, которыя выработало въ немъ пребываніе по острогамъ и въ Сибири. Характеренъ самый языкъ героя, на которомъ отпечатались его страствія по сѣзту и тюремная „цивилизція“. Вотъ какъ, напр., онъ жалуется на свою жизнь въ разговорѣ со своимъ старымъ другомъ-полчаниномъ:

— „Много въ моей жизни, Ваяшка, было равнообразія всякаго... И самъ, небось, помнишь?.. Ну, а теперь, какъ оглянусь назадъ, вѣтующимъ окомъ ниву впередъ,—хоршаго не видать! Нѣту хорошаго... вичего вѣтъ!.. Хотѣлъ бы прибѣться куда-нибудь къ берегу, отдохнуть, сказать: буде!.. Ну—погода все недовольительная. Значитъ, рокъ моей жизни таковъ... Какъ въ писавіи сказано: „вѣтри, говорить, имѣютъ жилища свои, а Сыну Человѣческому негдѣ главы преклонить“... Д-да... Главы преклонить негдѣ“.

А какъ прелестно его восхищеніе своими сынами героями и одвѣтъ изъ этихъ сыновей, который говорить: „отецъ! ты—орелъ, мы—орлята... собери насъ всѣхъ подъ свои крылья, всю Рассею пройдемъ“. Отъ этого разбойничьяго геройства вѣсть поэтическимъ эпосомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ душѣ стараго разбойника

много поэзіи, и онъ даже, зидя въ тюрьмѣ, пишетъ своему родственнику посланіе стихами:

Пишу жизнью я стихами,

Какъ въ разлуцѣ жилъ я съ вами...

Все это какъ будто съ натуры перенесено на страницъ рассказа. Прелестенъ и конецъ его, когда старый удалецъ читаетъ сторожащимъ его казакамъ свою „жизню стихами“, съ арестантскимъ краснорѣчіемъ рассказыветъ имъ о своихъ похожденияхъ и невзгодахъ, и они, очарованные его рассказами, сблизившіеся съ нимъ, такъ слабо за нимъ смотрятъ, что даютъ ему этимъ возможность бѣжать.

Прелестная реальная картинка, которая могла бы произвести большое впечатлѣніе въ то время, когда успѣхомъ пользовались передвижныя выставки картинъ, изображавшія или „проводы новобранца“, или сходъ крестьянъ, или что-либо въ этомъ родѣ. Теперь публика почти равнодушно смотритъ на такія реальныя картины, ища главнымъ образомъ обобщенія, чего-либо, въ чемъ бы выражалось отношеніе художника къ міру и жизни. Такое ужъ наше философское время, объясняемое тѣмъ, что человекъ утратилъ ясное отношеніе къ жизни и жадно ищетъ его. Поэтому теперь въ картинахъ прежде всего ищутъ или настроенія художника, выражающаго его отношеніе къ тому, что онъ изобразилъ, или символа, обобщающаго и осмысливающаго изображенное.

Новому вкусу, до нѣкоторой степени, старается удовлетворить г-жа Лѣткова въ своемъ рассказѣ: „Мушкетеръ“, поэтому, можетъ больше понравиться, чѣмъ набросокъ г. Крюкова. Въ рассказѣ г-жи Лѣтковой есть и обобщеніе о жизни, и даже, пожалуй, символъ, поясняющій это обобщеніе. А современный человекъ прежде всего старается понять жизнь, не детали ея, не явленія только, а самый смыслъ ея, самую сущность, а поэтому съ интересомъ пробѣгаетъ все, что такъ или иначе говоритъ объ этой сущности.

Въ рассказѣ г-жи Лѣтковой человекъ, потерѣвшій крушеніе въ жизни, разошедшійся со своей женой, потерявшій семью, отправляется въ гости въ вѣвнѣ къ своему товарищу юности, съ которымъ онъ нѣкогда много говорилъ о „радости бытія“. Оказывается, что этотъ товарищъ, какъ многіе теперь помѣщики, стоитъ на краю пропасти разоренія и отчаянно бьется съ надвигающейся бѣдой, съ ужасомъ совная, какъ безплоды всѣ его усилія спастись. Онъ и жена его работаютъ не покладая рукъ, встаютъ съ восходомъ солнца и находятъ въ вѣвнѣй сутолокѣ до поздней ночи. И вся жизнь ихъ сводится къ усиліямъ поставить дѣтей на ноги. „Живемъ для поколѣнія“,—говоритъ съ

горькой шуткой мужъ.

И встѣ, на склонѣ дни, двое старыхъ товарищей засѣли на дворѣ, подъ раскидистой вѣвой, за небольшимъ столомъ, покрытымъ цветной скатертью. Кругомъ носились мухи, докучная ихъ, онѣ покрывали черной тучей и кусокъ пирога на тарелкѣ, и липкія пятна скатерти. Товарищи вспоминали прошлое, свои студенческие годы.

— Вѣдь, мы, братъ, ни минуты не сомнѣвались, что рождены для счастья, для побѣды надъ всѣмъ міромъ, надъ самою жизнью... Помнишь? Какая то, чортъ возьми, увѣренность была въ этомъ...

— Все ни по чемъ было! Какое презрѣніе къ разнымъ житейскимъ охамъ и ахамъ!

— Радость бытія! — подсказалъ Иванъ Петровичъ.

— Да, да, да... Именно, радость бытія!..

И Печниковъ громко расхохотался.

— Какъ ты это вспомнилъ? Именно, радость бытія... Я ужъ и позабылъ это выраженіе... Радость бытія!..

Онъ грустно усмѣхнулся. Иванъ Петровичъ молчалъ...

Затѣмъ они говорятъ о своихъ теперешнихъ невзгодахъ: одинъ о матеріальныхъ, о недостаткахъ, убывавшихъ его и его жену, другой, разостроивъ вичавшись, объ взмѣвѣ своей жены, о крушеніи своего семейнаго счастья и всей семьи. Вспоминаютъ своихъ товарищей, которые потерпѣли тоже крушенія въ жизни. А мухи кругомъ летаютъ, и чтобы защититься отъ нихъ, хозяинъ привнесъ мухоловку Tangle-foot — „Вяжи ногу“ —, на которой мухи гибнутъ, прилипающія ногами къ липкой ея поверхности.

И вотъ эти мухи, гибнущія на мухоловкѣ, слѣвоятся и въ представленіи самихъ героевъ, и читателя съ жизнью героевъ разсказа, которая представляется тоже чѣмъ то въ родѣ такой мухоловки, въ которой вязнутъ мухи. Смотря на эту мухоловку, одинъ изъ героевъ говоритъ:

— Знаешь, я иногда люблю посмотрѣть на эту борьбу... Поучительно!.. Смотри, какъ вязнутъ и гибнутъ... А мы-то?! Вѣдь, вся разница въ томъ: кто въ чемъ и какъ увязнетъ: одинъ въ страсти, другой въ честолюбіи, третій въ поговѣи за пропитаніемъ. И бьется, и мучается, а конецъ у всѣхъ одинъ — мушкетеръ!..

Эта мухоловка, символизирующая жизненные неудачи героевъ, представляетъ удачный образъ, такъ какъ онъ естественно связанъ съ разсказомъ, да и мухи, постоянно летающія въ немъ, подготовили мысль читателя къ его воспріятію. Къ сожалѣнію, г-жа Лѣтцова не закончила

этимъ, ей захотѣлось образъ свой „и болѣе пояснить“, и она заканчиваетъ свой разсказъ уже образомъ вѣнужнымъ и вычурнымъ, который, имѣя въ виду современную любовь къ вычурности, можно назвать „декадентскимъ“.

Въ концѣ разсказа герой видитъ сонъ. Ему представляется земля, какъ свѣтящаяся шаръ красоты неописанной. Надъ ней летаютъ люди въ видѣ мухъ и время отъ времени прилипаютъ къ ней и погибаютъ. Въ этихъ мухахъ герой узнаетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Конечно, мало ли какой сонъ можетъ присниться, но этотъ сонъ для разсказа вовсе не нуженъ, тѣмъ болѣе, что, вѣдь, виновницей гибели людей въ разсказѣ является не земля, а отношенія между людьми, созданныя самими людьми. Да и не всѣ люди такъ гибнутъ, какъ не всѣ мухи садятся на мухоловку, избѣгнуть же земли человѣкъ не могъ бы.

Есть еще два очерка въ этихъ книжкахъ *Рус. Бог*: „Степча“ г. Глѣба Моргуна и „Метеорологическая станція“ г. Капенева. Подробно о нихъ, по ихъ незначительности, говорить не стоитъ. Замѣтимъ только, что во второмъ довольно живо рисуется характеръ простого и совѣстливаго человѣка, не новый въ литературѣ, а въ первомъ — крестьянскій мальчишъ, отыскивающий отца. Разсказъ этотъ написанъ отрывочно и съ нѣкоторымъ сентиментализмомъ, который сталъ обычнымъ у насъ, когда рѣчь идетъ о крестьянскихъ мальчишкахъ.

Въ данныхъ книжкахъ журнала помѣщены также стихотворенія г-жи Галиной. Поэтесса эта обладаетъ несомнѣннымъ лирическимъ талантомъ, но она становится забавной, когда выходитъ изъ своей области и старается писать „въ духѣ *Рус. Бог.*“, на гражданскіе мотивы. Вотъ, напр., ея гражданское стихотвореніе:

Если бъ сердце, какъ солнце, могло
Вспыхнуть свѣтомъ горячимъ и яснымъ,
Чтобы всѣмъ обиденнымъ, несчастнымъ
Стало вдругъ и тепло, и свѣтло;
Если-бъ міръ, міръ страданья и зла,
Орошенный слезами и кровью,
Я согрѣть хотъ на мигъ яркой искрой
могла, —

Я бы сердце мое безъ раздумья сожгла
Этой свѣтлой и чистой любовью!

Всякій по этому поводу скажетъ: такія обещанія легко давать, потому что условія ставятся неисполнимыя. Конечно, нельзя сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ обиденнымъ и несчастнымъ стало „вдругъ тепло и свѣтло“ и даже нельзя согрѣть на мигъ своимъ сердцемъ весь міръ. Пусть-ка г-жа Галина сожжетъ его для негоже, не дожидаясь, пока Волга матушка всплыветъ побѣдить.